

ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ВЫСОТА

Андрей
Хуснутдинов

Андрей Хуснутдинов

Господствующая высота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11879472

ISBN 9785447423940

Аннотация

«Господствующая высота» – повесть о призраках, которых рождает война. Они бессмертны, потому что питаются нашим ожесточением, а ему нет конца. Эти странные существа уловлены зрением мистика, но описаны пером реалиста. Леонид Юзефович

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

31

Господствующая высота

Андрей Хуснутдинов

© Андрей Хуснутдинов, 2018

ISBN 978-5-4474-2394-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А. (Г. В. А.)

*

Сию в президиуме, черкаю чертиков в блокноте под очередного докладчика, никого не трогаю, как чувствую, пол под стулом начинает поддаваться. На дебаркадере так бывает.

– Вас просят, – шепчет из-за спины референтша.

Оглядываюсь на дверь кафедры.

Референтша кладет поверх чертиков визитку с американским гербом.

– Тут, в ресторане, внизу.

От карточки еще пахнет типографской краской. Я поправляю ее так, чтобы закрыть наиболее вызывающую черкотню. Робкая кириллица ютится в дальнем от пернатого хищника

углу и словно заговаривается с испугу: «Самантха Вильсон, военное пресс-атташе». Референтша чего-то ждет. Я закрываю блокнот и потираю припустившую ногу. В том месяце, помнится, так же, через секретариат, на интервью напросились бельгийцы. Но раз на раз не приходится. Сейчас, в ареопаге, визитка поспела, по крайней мере, кстати: от предыдущего антракта прошло тридцать минут, до следующего осталось не меньше, а силы мои для изображения заседателя-звездоносца были на исходе.

– Спасибо, Ленок, – шепчу, выдвигаясь из-за стола. – С меня шоколадка. – И с видом глубокой озабоченности, поглаживая блокнотом чертову ногу, ковыляю за кулисы.

За что чту и сторонюсь американцев – в плане общения это самые открытые люди на свете. Души нараспашку, руки вразмашку. Никаких запретных тем. Умеют абстрагироваться, ничего не скажешь. Берут тебя на мушку в тот момент, когда ты, во-первых, этого не ждешь, и, во-вторых, когда вражье уже составляет для тебя психологическую проблему. Так что, поминая привычку раскисать после первых минут застолья, я входил в ресторан не спеша.

Однако Саманта Вильсон решила обойтись без прелюдий. С не женски сильным, цепким рукопожатием – на чистом русском и в русском же духе – с места в карьер:

– Здравствуйте, меня интересует ваш бывший сослуживец, Арис Варнас.

Ну, думаю, приехали. Из огня да в полымя. Опять Афган.

Только на этот раз, ей-богу, как-то странно: рано или поздно с посольскими разговор у меня перескакивает на популярную частоту, но чтобы вот так в лоб, без дипломатии, и с порога про Стикса...

– И в чем подвох? – спрашиваю.

Саманта Вильсон хмурится.

– Зачем Пентагону солдат империи зла? – говорю без обиняков. – Погибший, к тому же.

– Затем, – отвечает Саманта, не моргнув глазом, – что на прошлой неделе в Афганистане пропал его сын Димас, солдат из нашего списка сил коалиции.

– И что? – недоумеваю я.

Она проглаживает салфетку ногтем по сгибу.

– И он пропал в районе бывшего советского поста номер восемнадцать – то есть, я правильно понимаю, господин Воронин, *вашей* заставы. Так?

Вправду сказать, решил, что это розыгрыш. Поэтому, чтобы выиграть время, заказываю чаю, пирожных там, а сам поглядываю на свою визави. Она от нетерпения и вежливости рябью пошла, даже руки со стола убрала, чтобы салфеточку не плющить. Нет, думаю, дело пахнет порохом. То есть к Стиксу у американской военщины интерес неподдельный, животрепещущий. Оперативный интерес.

– Простите, – говорю, – я, может, задам глупый вопрос: скажите, а вы точно уверены, что это его сын?

Саманта склоняет голову набок, оглядывается на своего

бодигарда за столиком в углу и, переведя дух, смотрит, как я дырявлю рогатинкой лимонную дольку.

– Так точно, как можно знать что-то. Очень.

– Подробностей, как это все было, сообщить, конечно, не можете?

– Пока не могу. Но скажу, что Дейм... что Димас был на хорошем... да что там говорить – лучшим солдатом бригады, имел *комбатные* награды и ранения. Версия, что он дезертир, отпадает совсем.

– Фотографию хотя бы покажете? – спрашиваю.

– Минутку... – Саманта листает картинки на своем смартфоне, но, не обнаружив нужной, звонит кому-то и железным голосом, по-английски, велит переслать снимки «объекта». – Простите, я думала, фото со мной. Зато у меня есть другой... так, скажем... файл... – Она смущенно улыбается. – Или – нет. Это сюрприз. Немного позже. Хорошо?

Я перекладываю дольку в чай.

– А что вас интересует конкретно?

Саманта вновь следит за моей рукой, отводит взгляд лишь тогда, когда я бросаю рогатинку.

– Всё. – Аккуратно, будто фишку, она пристраивает телефон возле моего блокнота. – Мы не знаем, какие факты из биографии отца могут проявить ситуацию сына... Да, и чтобы не забыть, такой момент: влияние Варнаса на коллег в смысле... ну, скажем так, выхода из-под контроля, *самоуправства* – так по-русски, да? Пожалуйста, вы не будете

против, если я запишу вашу историю?

Я деланно удивляюсь:

– Неужто еще не начали?

– Нет еще... – Саманта поправляет телефон. – А вы?

– А я... – Я прожевываю конфету, морщусь, как от пилюли, и, потирая ребром ладони столешницу, договариваю про себя: а для меня в истории со Стиксом важно как раз обратное – закончилась ли она? That is the question.

*

В тмутаракань нашу, на забытую аллахом и его доблестными воинами сторожевую заставу номер восемнадцать, Арис Варнас загремел из десантно-штурмовой бригады в Гардезе. Случилось это под самый аминь кампании, в восемьдесят восьмом. Слухи о причинах его ссылки ходили чудные. Арис упокоил не то начсклада, застуканного на продаже патронов душкám, не то бойца, угробившего рацию перед рейдом, не то и вовсе кого-то из штабных из-за бабы вольнонаемной. В общем, дело было темное, трибунальное. Сам Стикс никогда и ни с кем на этот счет не распространялся. Из достоверных деталей его десантных подвигов до нас дошли только три: свежий огнестрел мякоти правой голени, фингал под глазом да культяпки срезанных сержантских лычек на погонах. Как сейчас вижу его, шагающего от «вертушки» по мартовской грязище к нашему КПП – статного, чи-

стенного, перехваченного ремнями полного РД¹, с вытертым ПКМ-ом² на груди и с рассеянной улыбкой на подбитой арийской роже. Первой мыслью моей – винюсь без околличностей – было: «Фашист». Второй, не такой определенной, но, как ни странно, более точной и важной: «Всё как с гуся вода». Ведь то же ранение его разъяснилось не сразу, не днем. Что место ему, по большому счету, на госпитальной койке, стало понятно лишь после отбоя, в блиндаже, когда прибалдевшее четвертое отделение наше пялилось на то, как он вкалывает в ногу промедол, скручивает и бросает в буржуйку заскорузлый от крови носок, отдирает бинты от сквозной раны, посыпает ее стрептоцидом и наворачивает свежую повязку.

Стикс – это так он сам себя окрестил. В первую же ночь на заставе. Койки наши через одну стояли, и я, встав по малой нужде, услышал, как бредит он во сне, молотит сквозь зубы короткими очередями: «*Стиклстиклстиклс...*» – негромко и словно бы с жалобой, как пощады просит. Я решил, от кровопотери такое с ним, ну, или после промедола, хихикавших Зяму с Дануцем еще окоротил, однако и на другую ночь, и потом, когда Арис отсыпался после «пустых», как он говорил, нарядов, колыбельную эту его обязательно слышал кто-нибудь. Впоследствии даже словечко от нее произошло: *стиксовать*. Глюки ловить после джар-

¹ рюкзак десантника

² модернизированным пулеметом Калашникова

су³. Кстати, чтобы сам Стикс пригубил косяк или хотя бы заикнулся о дури, такого не было замечено ни разу, и, уверен, шприц-тюбик промедола, не в пример многим, в его АИ⁴ содержал именно промедол, а не воздух и не воду.

Last but not least: засадным пунктом в деле о прозвище Варнаса было то, что сам я родом из Литвы – явился на свет в Каунасе, по очередному месту службы бати моего гвардейского, и жил там до третьего класса школы. Короче, по-литовски понимал.

И вот сидим мы как-то с ним в курилке, и я у него к слову, без задней мысли, спрашиваю, чего это каждую ночь он заделывается стекольщиком (литовское *stiklas* – русское «стекло»). Он посмотрел на меня оценивающе и в то же время отстраненно, как смотрел поверх своего ПКМ-а с позиции, потом поинтересовался, откуда я знаю литовский, и лениво махнул папироской:

– А, оккупант...

– Ну, так точно, – кивнул я. – Шурави⁵. Вроде тебя. Мамы не отличат. Так что вспоминай меня, когда бреешься.

Лицо у него притемнело, но гнева ни звуком, ни жестом он не выказал – то есть не в новинку была ему темка о союзности того, что ненавидел он всеми фибрами души, и того, за что проливал свою голубую кровь. После этого разговора,

³ джарс, чарс – конопля

⁴ индивидуальной аптечке

⁵ Советский (перс.). Здесь – захватчик.

натурально, между нами как черная кошка пробежала, а когда выяснилось, что и деды наши полегли, можно сказать, по разные стороны баррикад (мой – в 1944-м, при освобождении Вильнюса, его – в 1947-м, в облаве под Шауляем), кулаки, стоило переброситься парой слов, начинали чесаться у обоих. Однако впервые мы сшиблись вовсе не на удобренной почве истории, а из-за Зямы.

Яшку Замятина, тогда еще толком не оправившегося после повторной желтухи и потому загоравшего в каптерщиках, Стикс избил за покражу спирта из своих личных закров. Медицинский ректификат, около литра в месяц, Арису доставляли с оказией на «вертушке», снабжавшей заставу почтой, чеками⁶ и продуктами. Кто и за что расточал ему такие благодеяния, не могу знать. Знаю только, что, помещанный на страхе перед подштантными подселенцами, Арис практиковал ежедневные спиртовые растирания. Дезинфекции эти он проводил на восточном отшибе заставы, в развалинах башни над взорванным колодцем кяриза⁷, и когда Фаер, огнемечник наш – который, как и многие, разрешался от бремени чресел по тому же адресу – застал его за этим делом после отбоя, то решил, что видит «дрочущего призрака».

Зачем спирт понадобился Зяме с его печенкой – тоже вопрос. Думаю, ни за чем. Просто сработал рефлекс, учрежден-

⁶ зарплатой – разменными сертификатами Внешпосылторга СССР

⁷ подземного оросительного канала

ный на такой же безусловной вере в то, что спирт в пределах досягаемости не может быть чужой собственностью. Стикс поколотил Яшку не так чтобы, но задохлику-желтушнику, чтобы завернуться в цинк, много и не требовалось. Зяму, лежавшего в каптерке без сознания, с пеной на морде, нашел его владимирский землея Мартын. О происшествии мне, как командиру отделения, было доложено в первую очередь (впрочем, и в последнюю – до Капитоныча, взводного нашего, и, тем паче, куда повыше, подобные реляции доходили редко). Растолкав обморочного и выяснив, в чем дело, я сдал его Роме-санитару и направился на верхний выносной пост, тот самый, куда накануне отрядил разводом Варнаса с Дануцем.

Должен сказать, армейским шовинистом, *махровым*⁸ имбецилом в мундире, третирующим прочие рода войск, я никогда не был. Но привычки, как и правила, редко обходятся без исключений. В моем случае этот подвал со звездочкой занят дедами от десантуры. Первого «двухсотого»⁹ я увидел еще до Афгана, на азадбашской пересылке, в вздэвэшном ареале казармы – ростовский студентик с раскромсанным в кашу, до кости, лицом (били, видимо, пряжкой) уснул в луже черствой крови под кроватью, где его спрятали после «ночного рейда» да так с перепоя и забыли до утреннего построения. Лютовали на пересылке не только

⁸ «махра» – пехота

⁹ погибшего

десантники, но если бы в Азадбаше велся учет первенства зверств по войсковой принадлежности, голубые береты обскакали бы на корпус всю армию. Поговаривали, и в Афгане они оставались верны себе, служа первостатейным источником для дисбатов. Как оно там было, не знаю, а на восемнадцатой относительно дедовщины все устроилось строго. Старослужащие пребывали в своем праве, но утверждаться при Капитоныче за счет побоев молодняка не приходило никому в голову так же, как, скажем, топить печь гранатами...

Стикс меня поджидал, конечно. Едва я приблизился к брешу в «колючке», он скомандовал остановиться и спросил пропуск. Но я не останавливался и не отвечал. Секунду спустя, под передергиванье затвора, требование назвать пропуск прозвучало опять. «Давай, ягайло, давай», – несло в моей просторной, как танковая мишень, голове. С той секунды как клацнул затвор, я, полуглухой и полуслепой от бешенства, слышал только грохот ветра в ушах и, будто в окуляры, видел только льняную жемайтскую улыбку над бруствером. Так, сбрасывая с себя автомат, ремень с подсумком, шапку, бушлат – все, что могло быть помехой в рукопашной, – я пер по раскисшей тропке на пулеметный ствол, что твой бык на оловянного человечка.

Если бы не Дануц, он, ей-богу, заземлил бы меня. Первый, предупредительный, выстрел ахнул вверх, подзывая моих зазевавшихся ангелов-хранителей, сквознячок от второго, смазанного молдаванином, окатил правый висок. Просту-

женное, кашляющее эхо запрыгало по горам. С насыпи, как в полынью из парилки, я слетел на сцепившихся интернационалистов, разбил их, повалил навзничь Стикса и, прижав коленом к земле, взялся охаживать между броником¹⁰ и каской. Он почти не сопротивлялся и притом избегал тумачков, большая часть которых пришлась по плечам и земле. Его физиономия рябила передо мной подобно отражению в воде, но еще более странным вышло вот что: мне казалось, что я с таким трудом попадаю по ненавистному лицу из-за отчетливой и с каждым ударом все прибывающей на нем гримасы удовольствия. Стикс будто оценивал, пробовал на зуб мою ярость и уворачивался от кулаков лишь потому, что боль отвлекала его. Даже после того как Дануц растащил нас, Арис, подтирая кровь, продолжал смотреть перед собой с умиротворенным видом. Чокнутый, думал я. Руки мои были разбиты ничуть не меньше, чем его карточка, я разминал пальцы, пока не поймал на себе остановившийся взгляд Дануца и тем почему-то заставил его попятиться.

Капитонич, которому Стикс доложил о нарушении устава караулки, сделал мне втык не за мордобой (о чем Арис, думаю, не обмолвился), а за то, что я «не воспитываю своих плакальщиц». Дануц, также допрошенный взводным, предлагал учинить «стукачу» тёмную. Но назвать Стикса стукачом или плакальщицей мог только тот, кто совершенно не знал его. Я Ариса тоже знал не ахти, однако доклад Ка-

¹⁰ бронежилетом

питонычу не стал для меня сюрпризом. Я понимал – что-то в этом роде должно было последовать. Скажу больше: когда я вспоминаю воздушную яму от пули у виска, Стиксово до-несение служит мне единственным утешением, чем-то вроде справки о жизни, компенсаторным, как говорят костоправы, элементом. Ведь не было бы меня, не было бы и доклада. Самому Арису, понятное дело, на мои терзания было плевать с колокольни. Он не то что не раскаивался, но, кажется, представся ему второй шанс, оцинковал бы меня не моргнув глазом. Да это еще ладно. Мой висок, кулачный обморок Зямы, доклад Капитонычу, постоянные претензии к качеству еды и к санитарному состоянию гарнизонных помещений, не говоря уже об их постояльцах – бог с ним со всем. Однажды Стикс умудрился поцапаться со своими земляками из третьего отделения, Пошкусом и Матиевскисом, из-за того, что на их минометной позиции оказалась, видите ли, неточно составленная карточка огня.

Я тогда с него диву давался. Он пёр против всех, без разбору и так легко, будто сидел на броне. Лез на рожон и знал это. При всем при том психом, по меньшей мере, в медицинском склонении, он не был, склочником – тоже. После любой дразжки с ним у меня оставалось смешанное чувство вины и озлобления. Ведь все эти прицепки, частью обоснованные, даже законные, раздражали не так сами по себе (хотя и не без того: какой фокус-покус должен был сотворить комвзвода, чтобы личный состав не вшивел в условиях дефицита воды:

хлорку сыпать за пазухи? учредить керосинные ванны? наладить, по примеру Ариса, снабжение всех и каждого спиртом?), – так вот придирки его раздражали не так содержанием, как подачей. Свои замечания Стикс расточал примерно в том духе, в каком это делают наши домашние попечители наших свобод – тоном стерильного инопланетного существа, неземной красоты гуманоида, заседающего на расстоянии пары световых лет от вывалянной в говне и подлежащей дезинфекции почвы греха. Короче говоря, Арис уверенно двигался к тёмной, и если бы не ранение ноги, то бишь если бы Капитоныч отпускал его тогда в дозоры или на проводку колонн, то – чего доброго, и к заплатке с задней полусферы.

(Говоря, что Стикс мог схлопотать товарищескую пулю, я, конечно, остаюсь в своей сорокалетней шкуре, выступаю от имени себя настоящего, а не от имени легкого на подъем мотострелкового сержантишки, который знал о подчиненных не более того, что они сами – на словах, на деле, в бреду – давали знать. Теперь я могу с легким сердцем заявлять, что возможность быть убитым своими для Стикса равнялась нулю. Но с высоты настоящего таким же нулем видится все, что не достигло фазы факта, события. Мы привыкли понимать прошлое как упразднение вероятности. Только это определение годится для фотографии. Для человеческой памяти такое прошлое – разобранная мозаика. Или того проще – виды с протоколированным бессмертием. То есть, я хо-

чу сказать, за эти двадцать с лишком лет я не то чтобы лучше понял Ариса Варнаса, но смог лучше разобраться в своем отношении к нему. В конечном счете, в себе самом. Я понял, что если хочу лучше вспомнить кого-либо, то должен надежней забыть себя. Себя сегодняшнего, который выдумывает себя вчерашнего. Себя, решившего, например, что гарнизонная жизнь действовала на Стикса сродни клетке на дикого зверя, сводила его с ума и заставляла грызться с сослуживцами так же машинально, как машинально дикий зверь грызет прутья решетки. Было ли так на самом деле? Вероятно, да. И даже, скорее всего, именно так оно и было. Проблема, повторюсь, тут не в возможности моей ошибки, но в невозможности для моего легкого на подъем сержантишки думать своей головой. Поэтому не стоит судить его строго за то, что, когда через день после потасовки на верхнем выносном посту стало известно об аналогичном ЧП на нижнем, он решил: всё, с него хватит, заслонять от того света того, кто сам и с такой регулярностью выписывает себе смертные приговоры, есть уже соучастие в помешательстве.)

В первом чтении происшествие на НВП выглядит просто и дико одновременно. Во втором часу ночи кемарившие после дозы джарса урюки из третьего отделения, Бахромов и Матиевскис, были разбужены одиночными пулеметными выстрелами, гремевшими на их собственной позиции и над их собственными безмозглыми башками. Бахромов насчитал четыре выстрела, Матиевскис – пять. Стрелял – из сво-

его ПКМ-а в сторону долины – Стикс.

Во втором чтении простота улетучивается, крепчает и ширится дичь. В ответ на вопрос очухавшегося Бахромова, какого черта он тут делает, прямым в голову Арис отправляет узбека досматривать веселые картинки, то же самое происходит с Матиевским, после чего Стикс возвращается добирать свою смену – это за километр, если что, на полтора ногах, в обход заставы, «колючки», вдоль минных полей – на верхний пост.

В третьем чтении, по всем канонам драматического жанра, конфликт исчерпывается. Имеют место быть чудесная развязка, замирение сторон и благорастворение воздушных. Утром на склоне, метрах в двухстах под НВП и прямехонько по курсу Стиксовой стрельбы, Матиевский замечает дерущихся среди камней грифов. Понять, из-за чего сыр-бор, невозможно даже в артиллерийскую стереотрубу. Горизонт буйной трапеции падальщиков скрыт в складках местности. С пересменой под гору отправляется усиленный патруль, а часом погода – прилетевший из штаба дивизии начальник особого отдела с оперативной группой. В целом и частном выясняется следующее: ночью, нарисовавшись на НВП, что твой черт из табакерки, в крошечной тьме – без использования ночной оптики, без применения осветительных ракет, вообще без ничего – с открытого затвора Арис Варнас расщелкал троих арабских наемников. Тех еще, не к сто-

лу будь сказано, шишиганов. Миновать все рубежи РСА¹¹, «путанку»¹², минные поля и затем расположиться на привал под самым носом у заставы могли либо нематериальные сущности, именно что духи, либо фантастические профессионалы. В пользу второй версии, конечно, собирается больше зачеркнутых минусов. Тут и новейшее обмундирование, и бесшумные стволы с «ночниками»¹³, и, собственно, сами тела, поглodанные, но не растворившиеся поутру. В пользу первой версии, кроме так и не разрешенного вопроса «как?», голосует – и даже, можно сказать, вопиет – другой: «какого?» На кой черт надо было, во-первых, переться с таким передовым прикидом в нашу тактическую глушь, и, потом, припершись, вставать на привал вместо того, чтобы ставить заставу на ножи? Вопросы эти, к слову, мотострелкового сержантишку занимали постольку-поскольку. Толком не озадачили они, скорей всего, и особистов, которые не так удивились бедуинам в «бархатной зоне» между боевыми 17-м и 19-м фортами, как обрадовались негаданной добыче, возможности внеплановой реляции в Кабул и выше, в Москву. Сержантишку же моего загробление бедуинов дразнило ровно до той поры, пока он не вспомнил, как, будучи под джарсом, сам, в еще предрассветных затёмках, меж волком и собакой, подстрелил с поста, саженей с пол-

¹¹ разведывательно-сигнальной аппаратуры

¹² малозаметные проволочные препятствия

¹³ ночными прицелами

ста, шакала. На слух. Воображая *самого-главного-моджахеда* и мечтая о *самом-краткосрочном-отпуске* (которого, конечно, рядовым бойцам ограниченного контингента не полагалось по умолчанию). Капитоныч тогда словно мысли подглядел сержантишкины – пошептавшись с особистом, накал рапорт на представление Ариса к отпуску по семейным обстоятельствам. Представление сие произвело в сержантишке муторное чувство. С одной стороны, Стикс являлся героем, заслужившим свой отгул из пекла, как никто другой, с другой – было ясно, что рапорт вызван не столько желанием поощрить передовика, сколько стремлением избавиться от неиссякаемого источника гуманитарных, сиречь чреватых поножовщиной, проблем. Но как сержантишка, так и взводный зазорно, с запасом, с треском дали маху в посылках благодарности насчет Стикса. Дважды два не всегда равняется четырем. Я не владею статистикой отказов советских срочников от отпусков, не знаю даже, имеется ли такая вообще, но уверен, отказ Стикса – единственный в своем роде за всю историю армии. Так или иначе, не пальба впотьмах по духам, а вот эта реакция на отпускной приказ представилась тогда всем настоящим чудом. Ведь что такое чудо? То, чему нет места в рамках действующего, оперативного опыта быта. Бедуинам мой опыт еще находил худо-бедные обоснования, отказу от отпуска, от возможности пресечь, хотя бы на время, обрыдлую, смертоносную череду окопных буден – нет. Имеется тут, конечно, и запасной вариант, пожарный выход

для логики – покрутить пальцем у виска, – и все-таки, повторяю, никто на заставе не считал Ариса Варнаса психом. Даже Матиевскис, который по волшебном известии от Скибы-писаря, при всем честном народе в курилке, потирая лоб над подбитым глазом, назвал Стикса тронутым.

Отношение к Арису, безусловно, изменилось тогда. К нему не стали набиваться в приятели, но сделались терпимее, глуше к его придиркам. Взводному под шумок возни с бедуинами тоже удалось состряпать небольшую сказку. На запрос из штаба полка, почему рядовой Варнас не убыл в положенный отпуск, он возьми и брякни, что рядовой Варнас уклоняется от поощрения в пользу заставы, просит вместо отпуска увеличить водоснабжение, ведь на эту тему (шепотом) имелся уговор с начальником особого отдела дивизии, да, видно, в сумятице наверху, не то в штабе армии (ага), не то где пониже, всё перепутали. Так, отныне к нам зараз карабкалась не одна водовозка, а три, и вопрос с недостроенной баней, равно как и с подштантными подселенцами, утрясся сам собой.

В общем, в заварухе с бедуинами Арис сам словно спустился с небес на землю, пришел в себя. И, казалось бы, было логично заключить, что это связано с увеличением подачи воды на высоту. Однако я стою на своем: Стикс перестал щетиниться после происшествия на нижнем посту, а не после того, как заработала баня. Червю, глодавшему его, был нужен порох, а не вода. И Капитоныч – ум, честь и совесть

восемнадцатой, даром что боксер – смекнул это прежде прочих.

Подопечным объектом заставы был резервный серпантин. От загруженной магистрали на рубеже между нашей зоной ответственности и землями семнадцатой горный пик откусывал узкий рукав, который пару километров змеился по дну ущелья, затем уходил через перевал под пригляд девятнадцатой и там же, за горой, впадал в основное русло бетонки. Резервным его величали по двум причинам. Колонны перенаправляли к нам, во-первых, если из-за обвалов-обстрелов-нестыковок оказывался тромбирован главный маршрут, и, во-вторых, если мы могли контролировать ущелье. Контролировать же его мы могли три-четыре дня в неделю, от силы. Да что там ущелье. Когда наша господствующая, с позволения сказать, высота часами кисла в беспросветной, как манна небесная, мгле, мы и самих-то себя с трудом отличали от духов. Вся надежда в таких метеоусловиях была на ржавеющую минно-сигнальную машинерию, на капризную эрэлэску, на собственные уши и – на Стикса, после того как Капитоныч (не исключено, с подачи самого Ариса) стал спроваживать его в дозоры. Сей вид разведки, нужно заметить, на восемнадцатой был не в чести еще с незапамятных времен. Году в восемьдесят пятом тут, поговаривали, попало целое отделение – ушло в туман, как в воду кануло. До Стикса, по крайней мере, Капитоныч выставлял дозоры только адресно, под наводку на снайпера или подрывника,

и никогда – в «молоко», в тучу, то есть. А Стикс на свои первые рекогносцировки отправлялся исключительно в «молоко». Сходил к серпантину во главе небольшой, до четырех человек, группы после завтрака, возвращался либо к обеду, либо когда распогоживалось. И самое интересное, почти всегда эти экспедиции были результативны. Вот какие чудеса. То «растяжку»¹⁴ с нашей тропы скovyрнут, то соглядaтaя духовского со скалы, а то и вовсе бандкомпанию из засады расстрескают. Я и не думал, что вокруг серпантина столько хищной живности пробавляется. Глядишь, бывало, в окуляры, и слезу смаргиваешь от зевоты: пустыня пустыней. Лунный ландшафт, подгнивший от зеленцы. Доставалось нам, разумеется, отсюда на орехи – и «грушами»¹⁵, и эрэсами¹⁶, и дэшэковскими «огурчиками»¹⁷, – но не больше, чем из долины на противоположном крае, уже совсем необитаемой, вползавшей дальним фронтом под вечные снега.

В общем, что-то тут было не то, а что именно, я не мог понять. Участие в Стиксовых *выходках* мне было заказано, сам Арис свои достижения никогда не комментировал, а отзывы его партнеров по набегам если не противоречили друг другу, то были путаны и бестолковы. Так, Мартын с Фаером чуть не подрались, проясняя детали расстрела Саидовой за-

¹⁴ мину, срабатывающую при касании соединенной со взрывателем струны

¹⁵ артиллерийскими минами

¹⁶ реактивными снарядами, РС

¹⁷ пулями от крупнокалиберного патрона ДШК

сады. По Мартыну, все стряслось невзначай, душманов порешили благодаря отменной реакции Стикса, со слов же Факера получалось, что Варнас использовал их, устроившихся на перекур товарищей по оружию, как приманку. То есть мои сомнения насчет боевых успехов Ариса имели законную почву. Хотя и зыбкую. Сейчас я знаю, что основные слои этой питательной смеси составляла спесь, сержантишка просто не допускал мысли, что новичок заставы, будь он хоть дьявол, может встать с ним на одной доске, но даже сейчас я не могу разрешить такой вот вопрос: своими вылазками Стикс ослаблял участвовавшие атаки на заставу или вызывал их? С тем же Саидом, вождем команчей, до Стиксовых илиад восемнадцатая сосуществовала на принципах осторожного нейтралитета. Мы не трогали его кишлаков и караванов, он не задира нас. Частенько имели место так называемые *культурные обмены*: Саид сливал Капитонычу информацию о залетных башибузуках и наших общих неприятелях из местных, взводный отвечал праздничными «молниями» об артоналаетах и БШУ¹⁸ по районам лежищ команчей (*праздничными*, значит бесполезными в оперативном смысле – если из твоих виноградников долбают военный борт, не нужно быть семи пядей, чтобы догадаться, что по зелёнке скоро врежут по первое число).

Теперь уже не важно, против кого Саид замыслил ту засаду – против шурави или против своих единовѣрных су-

¹⁸ бомбово-штурмовых ударах

постатов. Важно, что с тех пор, как говорится, *понеслось*. И это были не отчетные мероприятия, когда духи щипали нас в плановом режиме. Это были яростные, часто безрассудные прологи реванша. Так, во всяком случае, мне казалось. Интенсивность обстрелов заставы подскочила в разы. Первая – чтобы не соврать, аж с восемьдесят шестого года – попытка захвата высоты захлебнулась на дальних подступах благодаря Стиксу и стоила нам четырех легкораненых. Скованную дозором Ариса зондеркоманду, стволов в сорок, в мертвой для нас зоне ущелья разнесло звено «крокодилов»¹⁹. Второй штурм, месяц спустя, мы отбивали уже своими силами. Малой кровью на этот раз не обошлось. Моционы Стикса были взяты под плотную опеку духов. Его вели. И подловили на одном из привалов – снайперскую пулю в позвоночник схлопотал Пошкус, закуливший наперекор приказу Ариса. Бахромов, прежде чем «солист»²⁰ раскурочил и рацию, успел передать только, что им требуется эвакуация «трехсотого»²¹, своими силами не дотянут. По молочному дымку эрдэгэшки²² мы зафиксировали место группы на дне ущелья, но не видели ни самих ребят, ни их противника. Капитонич, пока застава шлифовала противоположные склоны, добивался вызова винтокрылых, но все рабо-

¹⁹ ударных вертолетов Ми-24

²⁰ снайпер

²¹ раненого

²² ручной дымовой гранаты, РДГ

чие борты в округе либо находились на боевых, либо готовились к ним. В ущелье тогда – заголив духоносный северный фланг, по непрощупанной стёжке, на счастье, на ура – рванула бээмпэха с санитаром и группой обеспечения. И поначалу все складывалось ладно. Дозор взяли на броню без церемоний. Даже без проблем выбрали половину обратного пути. Когда БМП скрылась из виду, зарулив за косогор под заставой, я еще, помнится, обратил внимание, как в синей тишине всходили перистые охлопья залпов – было полное безветрие, невидаль для наших пенатов в ясную погоду. Вскоре командир экипажа передал, что по отмашке Стикса, сбежавшего в канаву, они встали с какого-то рожна. Потом из кунга радиоразведчиков крикнули, что засекли двух бабайских «дикторов»²³. Еще погода что-то дернуло меня под сердце, и, словно откликаясь на этот позыв, шарахнуло в миллион вольт под горой – так у самого устья подъездки сработал упакованный в обочину фугас. Это был сигнал к штурму. Нас атаковали одновременно из долины и из ущелья.

По моим впечатлениям, за время боя душевное существо человека уменьшается на порядки, стремится к пустому множеству, к нулю. В начале оно подобно воздушному шару, раскрашенному нарыву, попасть в него – раз плюнуть, плетеная память человеческая, будто кошелка с прорехой, сыплет видами прошлого и прочим золотым балластом. Затем, если человека не заставили сдуться страх или пуля,

он взвешивается сам по себе, убывает до своих нечеловеческих пределов, до той математической точки, через которую, как через диоптрический прицел, душа его заглядывает в этот мир, оценивает, судит и казнит подсолнечную суету. Когда в расположении заставы взошли грязные звезды первых разрывов и брустверы огневых ячеек затрещали, словно козырьки в грозу, у сержантишки внутри все разом стронулось с мест, задвигалось сообразно порядку убывания, суживания людского естества в виду загробья. Сержантишка, следует отдать ему должное, был готов к этим боевым кульбитам сознания, даже предвкушал их. И, бросая по вросшим в спины каскам пустые команды, больше подстегивал себя, чем подчиненных. Но порядок схождения к организованному, управляемому безумию (слывущему в просторечии бесстрашием) был нарушен миной, угодившей в излучку траншеи позади сержантишки – так же, как оказался сорван до писка подлетный вой самого изделия, всегда напоминавший сержантишке какое-то кино про Великую Отечественную. Контузия стряслась не то чтобы сильная, но она застигла его врасплох, на полпути между страхом за свою бесценную шкуру и страхом за свою героическую репутацию. Его заклинило, как затвор с прикушенной гильзой. Его нервы перестали быть проводниками электрической энергии подвига. Все, на что он был способен, это ворочаться по окопной обваловке, вслед каждой своей очереди, слышавшейся ему серией осечек, вручную досылать патрон и поглядывать

за Мартыном, бившим под гору из своего гулкового, пронимавшего до кишок «Утеса». На зубах у сержантишки чавкала земля, он сталкивал ее слабым языком, при том ощущая нёбо исподом темени и полагая весь свод черепа одним сплошным ртом. Пока же голова его была *занята* грязью, разбавшимися мыслями его завладевал Стикс, ведь именного Стикса он видел как зачинщиком гремевшего ада, так и автором своего унижительного пресмыкания. И эта мысль о *попутном* возмездии ему и о какой-то *наведенной* на него трусости выматывала сержантишку сильнее, чем сознание самой трусости. Он орал во всю мочь, не то собираясь с силами для решительного броска, не то исчерпывая их.

В себя он пришел на необъяснимом расстоянии от позиций четвертого отделения. Обняв колени, он сидел поперек означенной вырытыми снарядами гильзами аллеи между «бунгалом» (ленкомнатой) и курилкой, в самой глубине заставы. У ног его из каменистой земли торчала рукоять штык-ножа, поодаль лежал автомат без магазина, с разбитым в щепу прикладом. По крепости ходили железистые дымы и какие-то беззвучные, медлительные фигуры. Бой был кончен. Но стихший вовне грохот загробья переселялся внутрь сержантишки, за дезертировавшую память его отдувалось тело, что продолжало резонировать сражению. Так, не обращая внимания на дружеские окрики, он переживал и переваривал внутреннее эхо штурма. Створными знаками мира ему служили все те же штык-нож и автомат. Контузия его не пе-

реставала выбрасывать коленца. Только что он был на аллее, и вдруг, безо всякого ощущения перехода, объявился возле своего окопа. Окоп был похож на разрытую могилу. Зыбкие от марев минные кратеры, лежавшее ничком тело с цветочным месивом распавшейся чалмы на плоском, будто сдувшемся затылке, опрокинутый на бок «Утес» Мартына и сам Мартын, улыбочиво кутивший на ящике из-под снарядов – все это виделось сержантишке не более чем хорошо поставленной фата-морганой, принималось им с благодушием зрителя. Следующий план, со Стиксом, поначалу также оставил его безучастным. Сидя в тени БМП, Стикс зажигал одну за другой спички, валял их в черной щепоти, пока огонь не начинал лизать пальцы, и бросал в грязновато-алую жижу возле драных носилок с трупом Пошкуса. Испачканное землей и кровью лицо казалось спокойно, движения рук неторопливы, но чем дольше сержантишка всматривался в безмятежную фигуру, тем ясней различал ее лишь маской ярости и понимал, что имеет перед собой как виновника, так и главного исполнителя отгремевшего кошмара. Молча ринувшегося на Стикса, его перехватили, притиснули к земле в ногах носилок и держали, баюкая, пока он не затих. Но расслабился он лишь до поры. Потом его перехватили на пути в ущелье, куда, безоружный и простоволосый, он спускался за чьим-то не то прощением, не то отмщением. Взятый под руки, он легко, как заводной, пошел обратно, через несколько шагов спросил закурить и, ткнув папироской через плечо,

проорал что-то вроде:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.